

ПРИВАВЛЕНІЕ

КЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 49.

І. ИЗВѢСТІЯ.

Наблюденія надъ причиною головокруженія у овецъ, и о предполагаемыхъ средствахъ къ устраненію этого недуга.

(Изъ З. Г.)

Убѣдясь всѣми хозяйственными вычислениями, что никакое скотоводство не можешь приносить столько пользы помѣщику, какъ овцеводство (разумѣя при этомъ породу овецъ, сообразную климату), я развожу у себя въ имѣніи стадо овецъ, Черкасской породы. Онѣ содержатся у меня зимою почти на Азіатскій манеръ: въ холодномъ хлѣвѣ, сдѣланномъ съ наружной стороны изъ бревенъ въ сполбы, и проконопаченномъ извѣтъ соломой; съ внутренней, или надворной, изъ плетня, защищаемаго иногда съ этой стороны, въ суровыя зимы, соломенными щитами; безъ попола, съ соломенною крышею. Къ хлѣву особо пристроенъ выгонъ изъ жердей, въ сполбы по три жерди въ каждомъ пряслѣ, переплетенныхъ спойми, весьма плотно, высокими хворостомъ, для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ, куда и выпускаютъ ихъ во всѣ ясные зимніе дни, и загоняютъ на ночь съ пастбища. Кормъ зимою задается въ ясли, хомы и безъ вѣса, но въ достаточ-

номъ количествѣ, и всегда въ одно время, по три раза въ день: по утру солома, яровая или ржаная, всегда свѣжая; въ полдни и на ночь хорошее сѣно. Припускъ барановъ дѣлается 20 ноября, по 15 овецъ на одного барана; ягненье начинается 13—15 апрѣля, такъ, чтобы ко времени выгона въ поле, все стадо могло выйти уже съ ягнятами. Во время ягненья, обьягнвшіяся овцы немедленно отбираются въ особый хлѣвъ, гдѣ уже и идетъ имъ особое содержаніе, и именно: по утру и ввечеру сѣно, обрызгиваемое соленою водою, а въ полдни по одному фунту овса на каждую мамку, къ которому одинаково ягнята, какъ по недостатку для нихъ мѣста въ корытахъ между ихъ мамками, такъ и по чрезмѣрной еще молодости и слабостию своему, вовсе не допрогиваются; также и сѣна, по той же причинѣ, почти всѣ не могутъ. Такое содержаніе манокъ продолжается не болѣе двухъ, трехъ недѣль, покуда переягншихъ все стадо, и выйдетъ на подножный кормъ. Полятъ ихъ всегда колодезною водою, прямо изъ колодца наливомъ, безъ всякой подогревки. Лѣтомъ пасутся онѣ на особо опшведенной степной пушпоши, совершенно сухой, чрезъ которую протекаетъ рѣчка чистой воды.

При такомъ содержаніи, въ теченіе 6 лѣтъ мое овечье стадо не подверглось ни оспѣ, ни другимъ какимъ значительнымъ болѣзнямъ, кромѣ одной непоспимой, и ни какиимъ лечебнымъ средствамъ не уступающей болѣзни, именно головокруженію, отъ котораго ежегодно умираетъ у меня отъ 10 и до 15 большею частью годовалыхъ овецъ.

Разныя средства и изысканія причинъ, въ истинно-благодѣтельной Земледѣльской газетѣ описанныя, по малой успѣшности ихъ, свидѣтельствуютъ только, что настоящая причина болѣзни еще не найдена; но извлеченіе изъ свѣдѣній Ветеринарнаго врача Г. Куерса, въ N. 68—1838, возбудило во мнѣ любопытство удостовѣриться лично въ происхожденіи этой болѣзни отъ образующагося въ головѣ овцы водянаго пузыря, что шѣмъ болѣе подспрехнуло мою любознательность, что болѣзнь эта, по мнѣнію его, происходить «отъ слишкомъ пищательнаго (сухого и особенно зерноваго корма, вовсе не (свойственнаго возрасту ягнятъ.) У меня ягната, въ первыхъ недѣляхъ своего возраста, такимъ кормомъ вовсе не имѣютъ возможности пищаться, а далѣе, переходящъ съ машинъ прямо на сѣно; да и самыя машинъ ихъ, во время зимы хопи и доспачно получающъ добраго сѣна и соломы, но все-таки не бывающъ въ это время года столько жирны, что бы могли отъ того полнокровѣть и имѣть причину къ зарожденію ягнать съ болѣзненнымъ предрасположеніемъ. По этому сомнѣнію, я самъ принялся за анастомированіе овечьей головы, и не од-

ной, а нѣсколько вскруженныхъ головъ. Въ первой, подъ мозговою пленой, къ носовой части, оказались два водянистыхъ пузыря, наполненные самою прозрачною жидкостью, не имѣющею ни какого запаха; но ниже ихъ, въ обѣихъ носовыхъ полоскахъ, у самой мозговой плены, по выше внутреннихъ главныхъ угловъ, въ одной сторонѣ 4, а въ другой 3 живыхъ червяка. Пякоторые изъ нихъ были длиною съ полвершка, а другіе гораздо меньше, и какъ видно, недавно зародившіеся; цвѣтомъ, одни все бѣлые, а другіе съ зелено-бурыми кольцами, которыхъ у большихъ у каждого по десяти; съ раздвоеннымъ рыльцемъ, и въ верхней его части двумя, въ видѣ черныхъ точекъ, глазами, ил, можетъ быть, пищательными сосцами; цилиндрическимъ, сверху полукруглымъ, а въ нижней подбрюшной части плоскимъ шиловищемъ. Во второй: въ правой носовой полоскѣ, выше внутреннего главнаго угла, 4 червяка, и надъ ними, къ этой же сторонѣ, подъ мозговою пленой водянистый пузырь. Въ третьей, 3 червяка въ томъ же самомъ мѣстѣ съ лѣвой стороны, и надъ ними въ той же сторонѣ водяной пузырь.

По этому открытію можно было бы рѣшительно заключить, не смотря почти на невозможность пробраться червику за сечение носовой полоски, что черви шупъ возродились отъ личекъ, положенныхъ лѣтомъ въ носу животнога червячковой мушкой, и, образовавшись уже червями, заползли въ верхъ подъ самый мозгъ. Но четвертая вскруженная голова, годовалаго барана, совер-

шенио уничтожила это предположеніе. По вскрытіи ея черепа, водяной пузырь оказался на самомъ запылкѣ, то есть, подъ заднею чашею мозговой оболочки, примыкая величинаю своею къ обоимъ рогамъ; ни въ носовыхъ пазухахъ, ни во всѣхъ другихъ черепныхъ пуспотахъ, при самомъ тщательномъ пересмотрѣ, червей не оказалось. Это поставило меня, какъ говорится, въ тупикъ, и снова обратило на замѣчаніе о несвойственномъ для аггальпъ кормѣ, копорымъ они у меня, какъ это выше рассказано, даже и возможности не имѣють питаться.—Такъ опъ чего же зародился водяникъ, въ эшой, хоня и рогашой, но, такъ сказать, полукаменной головѣ, которая при жизни своей дѣлаетъ иногда такіе удары въ подобную своей баранью башку, а при промахѣ верѣдко и въ сполбъ или въ спѣну, что потрясаетъ хлѣвныя связи, а сама остается невредимой? При такомъ недоумѣніи, поворачивая въ рукахъ своихъ пустой черепъ, я почти машинально опбилъ ему обухомъ шопора одинъ рогъ у самого корня, и въ удивленію своему увидѣлъ, что изъ пуспоты его выпали два живые червяка, а саними уже я самъ вынулъ опшуда еще паче-рыхъ, прильнувшихъ къ самой черепной кости, которую онъ въ этомъ мѣстѣ до того опшочил, и какъ бы разрыхлил, что я могъ пропхнушь ее, почти безъ всякаго усилія, тупымъ осколочкомъ дерева, и при этомъ замѣнилъ, что это мѣсто изнутри черепа потускло; къ сторонамъ другаго рога такого признака не было, однакожъ я сколо-

пилъ и другой рогъ, и изъ пуспоты его корня вынулъ прехъ живыхъ небольшихъ червяковъ.

Теперь вопросъ: какъ червяки могли шуда попасть? (*) Ни изъ черепа въ роговую пуспоту, ни снаружи въ рога нѣтъ никакихъ опверзній. Оба рога ни чѣмъ не повреждены были, ни опшлены, какъ это иногда дѣлаютъ при неправильномъ ростѣ роговъ, примыкающихъ концами своими къ головѣ животного; безъ прещицъ и безъ скважинъ: сѣдовашельно, ни самими червяками шуда заползни, ни мушкой бытъ занесеннымъ не было никакой возможности. Если же предположить, что водяной пузырь въ самомъ дѣлѣ заводился опъ какого нибудъ лѣшняго или зимняго корма, а изъ него уже, какъ вещь шершваго, не обращающагося съ прочими содами животного, произрастающа черви, то въ такомъ случаѣ онъ долженъ были заводиться въ самой шой жидкости, а не внѣ ея. Да и въ этомъ случаѣ, кажется, необходимо, что бы жидкость та была гнилаго свойства. Противное же шому показывается, что эта самая жидкость въ мозговой оболочкѣ заводилась опъ присущихъ около нея червей, которые несноснымъ своимъ шевеленьемъ и сосаньемъ около такой чувствительной внутренней части шѣвъ,

(*) Если распилить черепъ прямо сверху внизъ, опъ корня рога до носовой пазухи, то окажется пущъ, по которому насткомое можетъ пробраться и пробирается вверхъ, какъ объяснено будетъ ниже. Р. З. Г.

ослабляла правильное обращеніе соковъ въ головѣ, и содержа животное въ безпрерывномъ покоѣ, производя водяной пузырь, что еще болѣе становился върошнымъ, отъ нахожденія червей въ корнѣ роговой пухомы, въ которой, какъ описывалъ отъ мозга черепною костью, черви уже никакъ не могли возродиться отъ сконившейся подъ черепомъ водянистой жидк. спл. Спало бытъ, эта жидкость завелась отъ зародившихся въ рогу червей. Но какъ же они шумъ-то завелась? Вотъ вопросъ, который можете бытъ разрѣшенъ только умомъ зоолога. Съ своей стороны, я не могу не согласиться съ мнѣніемъ Г. Пешри, въ N. 63 Земледѣльской Газеты 1835 года изложеннымъ, что головокруженіе у овецъ, происходящее, какъ это и у меня теперь оказалось, отъ червей, зарождающихся и водяную болѣзнь въ мозгу, начало свое имѣетъ единственно отъ слабоспальныхъ барановъ (а можетъ бытъ и такихъ же машинокъ). Къ этому мнѣнію особенно приводитъ меня пересмотръ шестилѣтней записной пестради по скопному двору, изъ которой видно: *со первыхъ*, что при начальномъ разводѣ овецъ, были припущены къ самкамъ изъ прежняго завода, вмѣстѣ съ мнѣніемъ купленные мною весьма старые, и, можно сказать, слабые бараны; потомъ припускались изъ молодыхъ, ежегодно осматриваемыхъ на племя, полупороговыхъ, которыхъ такъ же не лзя счищать въ надлежащей силѣ, какъ и машинокъ, пускаемыхъ у меня всегда изъ перешокъ, то есть, въ 20 ноября другаго года съ небольшимъ

полушороговыхъ. *Во вторыхъ*, что припущенные бараны съ перваго и до послѣдняго дня отборки ихъ изъ стада, находились при немъ безоплачно, следовательно, въ безпрерывномъ истощеніи. *Въ третьихъ*, что круженіемъ занемогли только молодые, полугодовые и годовые ярки и бараны, и, сколько припомнишь могъ мой скотникъ, болѣею частію, а можетъ бытъ и всѣ, изъ бывшихъ въ ягнлахъ весьма слабыми. Такимъ образомъ, дурные соки поспешенно зарождали въ головѣ животного, какъ въ резервуарѣ ихъ принока, свойственную къ образованію червей гнилость, къ чему овечье племя, кажется, и имѣетъ большее предъ другими животными предрасположеніе, возникающее при малѣйшей причинѣ; но и эту причину, мнѣ кажется, скорѣе можно описать въ недосыпномъ или малопитательномъ, нежели въ чрезмѣрно сытномъ кормѣ, которымъ всякое животное скорѣе можно обкормить, задавалъ его не въ мѣру послѣ дурной пищи, а не закормить (*), если оно, т. е. это животное, всегда получало одинаковый кормъ и въ досыпкѣ, и при томъ не лишено было свойственной ему по времени года дѣятельности, короче сказать, содержалось не на привязи у яслей.

(Окончаніе въ слѣдующемъ N.)

(*) Замѣтимъ, что объ крайности вредны, какъ недосыпнокъ корма, такъ и перекормъ; но и другое распространяетъ организмъ. При расстройствѣ же организма, если оно довольно продолжительно, развиваются на немъ изъ своихъ зародышей чужеродныя существа, какъ это доказываютъ безчисленныя наблюденія надъ растеніями и животными. Ред. З. Г.